

Испытания Юрия Трифонова

В нашем альманахе Ольга Юрьевна Тангян уже публиковала материалы о своем деде — интереснейшем художнике первого одесского авангарда Амшее Нюренберге. Сегодня мы представляем читателям ее воспоминания об отце Юрии Трифонове и матери певице Нине Нелиной (Нюренберг).

Е. Г.

Писатель Юрий Трифонов дважды добивался большого успеха. Вначале в юности, когда опубликовал свой первый роман "Студенты" (1950). Но еще большей славы он достиг через двадцать шесть лет. В 1976 году была опубликована повесть "Дом на набережной", ставшая ключевым событием литературной жизни 70-х годов. Трифонов часто повторял слова Достоевского о том, что "человеку для счастья нужно столько же счастья, сколько и несчастья". Ему потребовалось многое пережить, чтобы написать свою лучшую книгу.

26 сентября 1966 года в возрасте 43 лет умерла жена Трифонова, моя мама, певица Большого театра Нина Нелина. Неожиданная смерть молодой известной женщины вызвала большое количество версий. Несмотря на официальную справку об "инфаркте миокарда", причины смерти назывались самые разные, вплоть до самоубийства. На трагическое событие в нашей семье откликнулось много людей. Писали друзья, писали организации. У меня до сих пор хранится стопка писем и телеграмм.

В 1968 году Трифонов женился на Алле Пастуховой. Новый брак не вытеснил потрясение от недавней утраты. Именно тогда он написал одну за другой полные самоанализа и самооправдания "московские повести": "Обмен" (1969), "Предварительные итоги" (1970), "Долгое прощание" (1971), "Другая жизнь" (1975) и, наконец, "Дом на набережной" (1976). Пастухова не только проявила большой такт в этом вопросе, но, будучи профессиональным редактором, во многом способствовала его работе. В этих повестях Трифонов заново переосмыслил свою прежнюю жизнь.

Отец говорил мне: "У тебя нет матери, не будет и отца"

Первое время после смерти мамы мы с отцом все время находились вместе. Мне даже казалось, что он искал во мне защиту, и это наполняло меня гордостью. Когда я ложилась спать, он садился рядом и читал мне вслух книги, чаще всего Чехова.

Вскоре Трифонов написал рассказ "Самый маленький город". Его история была такова. Два болгарских друга отца — писатель Банчо Банов и журналист Вырбан пригласили нас в Болгарию справлять Новый 1967 год. Им хотелось

окружить нас своей дружеской заботой. Впервые я встречала Новый год вдвоем с отцом в Доме болгарских журналистов в Софии. Помню в ресторане висели транспаранты "Честита Новата година!".

Представляя моего отца своим друзьям в Софии, Банчо Банов с непередаваемым выражением говорил: "Юрий Трифонов — писатэля!". Он сам и его друзья тоже были писателями и журналистами, но Банчо хотелось подчеркнуть особое значение Трифонова. В этой похвале чувствовалось не только желание сделать приятное товарищу,

Юрий Трифонов читает дочери Ольге. 1955 г.

но и некоторая профессиональная ревность. Банчо казалось, что отец ставил перед собой слишком большие творческие задачи. Помню, что отец немного нервно реагировал, когда тот в который раз преподносил его как "писатэля".

Жили мы с отцом в отеле, холодном и неудобном. Разговаривали друг с другом мало, оба были малоразговорчивыми. Отец писал со скрытой болью: "И вот что случилось с тех пор: я остался один... Я остался один со своей молчаливой Алей". Отец ведь тоже нуждался в собеседнике, помощнике. Как отчаянно звучал вопль о помощи у Мандельштама: "Читателя! Советчика! Врача! На лестнице колючей разговора б!".

Я тогда не понимала, что болгарские друзья пригласили нас, чтобы поддержать. И совершенно не могла осознать, что я делала в этом незнакомом месте с молчаливым и угрюмым отцом. Поэтому часто спрашивала его одно и то же: — Папа, зачем мы сюда поехали?

У отца не было ответа. Не мог же он мне ответить, что мы бежали из Москвы от горя и одиночества. Но, видимо, мой вопрос причинял ему боль, поскольку позже он вставил его в свой рассказ.

Много лет спустя я встретила писателя Макса Бременера, сокурсника отца по Литинституту. И он спросил меня, действительно ли я задавала отцу этот вопрос, или он его придумал. И я подтвердила, что все было действительно так. Бременер утвердительно кивнул головой, несколько не

удивившись. Он знал, что отец многие вещи брал из жизни. Он просто хотел проверить свое предположение.

Болгарские друзья не ограничились чествованием Нового года в Софии. Они решили повозить нас по окрестностям. Так мы попали в "самый маленький город" — Мелник. Город Мелник живописно располагался в горах, которые зимой были покрыты снегом, и находился почти на границе с Грецией. Впервые в жизни я ночевала в келье монастыря, который был переделан под гостиницу.

Мелник славился не только своим красным вином, но и молчаливыми стариками:

"В Болгарии же встречаются громадные сборища молчаливых стариков... Аля очень подошла бы к компании болгарских стариков", — писал Трифонов.

Однако Мелник был важен для Трифопова не только тем, что был "самым маленьким" в мире. Несколько лет назад он был в Болгарии с мамой. И жившие там старики оставались такими же, как они их тогда увидели. Почему же все оставалось прежним — и горы, и молчаливые старики, и старое полуразвалившееся "рено" его друга, и даже город, который постоянно уменьшался, но все же не исчезал? А его жизнь и любовь исчезли. Отец пытался разобраться в своих чувствах — и не мог:

"Когда-то в незапамятные времена, шесть лет назад, я ехал в Родопях, и меня как мгновенным холодом овеяло вдруг то ощущение счастья, которое тогда было со мной. Это было сложное и одновременно такое ясное, полное, вбиравшее в себя все остальное, но неосознаваемое ощущение покоя, простое, как сон души. И в этом сне были дорога, узнавание, мысли о деле, о моем деле, только о моем и ничьём больше, и упругость руки, и ожидание встречи, и любовь, которая жила со мной так же незаметно и привычно, как дыхание, и сумерки, и прохлада ущелья, и шум реки, и еще то, что за поворотом, за горами, за годами.

Снова было ущелье, другое ущелье, но такое же сумеречное, и шум реки. Но того ощущения, похожего на сон, не было. Как все, и это бывает у человека однажды. Проклятое, единственное однажды, о котором не догадываешься, когда оно есть, а потом оно возникает уже как воспоминание".

Мысли о том, что "нигде" и "никогда" (мы были неверующими и не представляли себе потусторонний мир), казались отцу непереносимыми. Несмотря на то, что Вырбан, возивший нас на своей маленькой машинке, пытался убедить его в том, что исчезнувшие люди крепко держат нас в своих объятьях и на самом деле они вовсе и не исчезали:

Юрий Трифонов и Ольга. 1960 г.

— Та цепь, которой шли слепые царя Самуила, держась за руки, она не порвалась и дотянулась до нас, и мы держим их за руки, тех слепых болгар.

— А они держат нас, — сказал я.

— Они держат нас, как же! — сказал Пенчо".

Рассказ "Самый маленький город" был напечатан Твардовским в 1968 году в "Новом мире". Много лет назад Твардовский напечатал в своем журнале дипломный роман выпускника Литинститута Трифонова "Студенты", после чего последовали громкий успех и Сталинская премия. Вскоре после этого вокруг молодого писателя разразился скандал, когда его с позором чуть не исключили из комсомола, но ограничились строгим выговором, — при поступлении в Литинститут он не указал в анкете, что его отец старый большевик Валентин Трифонов являлся "врагом народа". Возможно, это была ревнивая реакция коллег на столь быстрое восхождение к славе.

Через некоторое время Твардовский взял со своим автором дистанцию. Он посчитал, что после первого успеха тот расслабился. Или, как он выражался, "темечко не выдержало". Вместо того чтобы сразу засесть за новую книгу, Трифонов, к неодобрению Твардовского, отдал свой роман в театр и стал вести светский образ жизни, выступая перед читателями

и давая интервью журналистам. О метаморфозе, которая произошла с его другом, поэт и переводчик Лев Гинзбург высказался со свойственной ему иронией и лаконизмом: "Трифонов получил Сталинскую премию, купил машину "Победу" и женился на солистке Большого театра Нине Нелиной".¹ Все это казалось его товарищам, в основном, бедным студентам Литинститута и бывшим фронтовикам, верхом роскоши. Позже к атрибутам хорошей жизни добавилась дача в поселке писателей. Отношения Твардовского с Трифоновым прервались на долгие годы.

Трифонов страдал от охлаждения к нему Твардовского, которого бесконечно уважал. Отец даже считал, что именно благодаря Твардовскому он вообще стал писателем, что было, конечно, преувеличением. Но ничего нельзя было исправить. Трифонов несколько раз давал материалы в "Новый мир", но неизменно получал отказы. Даже когда мои родители купили в 1964 году дачу в Красной Пахре рядом с дачей Твардовского, тот лишь сухо приветствовал отца через забор.

Помню, как однажды первого апреля я была с родителями на даче, и мама предложила придумать шутку, чтобы разыграть папу: "Первое апреля — никому не верю". И я придумала: "Давай скажем папе, что к нему заходил Твардовский, но не застал его дома и ушел. Вот будет смешно". Значит, я уже тогда чувствовала, что этот вопрос волновал отца. Но мама подумала и сказала, что это не подходит: "Это злая шутка, она может огорчить папу".

Отношения Трифонова с Твардовским восстановились вскоре после смерти мамы. Доказательством этого послужило появление в журнале "Новый мир" его рассказов "Вера и Зойка" и "Был летний полдень" (№ 12, 1966 г.), а также "Самый маленький город" и "Голубиная гибель" (№ 1, 1968 г.). Трифонов написал, что после этих публикаций он "снова стал автором "Нового мира" ("Записки соседа").

Вырбан был прав: ушедшие близкие крепко держат нас в своей власти. Участие мамы в жизни отца ощущалось еще долгие годы после ее смерти. Когда в 70-е годы стали появляться "московские" повести и рассказы, и Трифонов обрел свой подлинный голос, одна литературная дама даже сделала такое парадоксальное заявление: "Это Нина диктует ему *оттуда*".

В мемуарах о Твардовском ("Записках соседа") Трифонов вспоминал, как он в очередной раз отдал рассказ "Самый маленький город" в "Новый мир", хотя и сознавал, что своими экзистенциальными "вечными темами"

¹ Л. Гинзбург. Разбилось лишь сердце мое.

тот не соответствовал установкам журнала на политическую злободневность. И Твардовский ему на это прямо указал: "Я понимаю, вы хотели бы такой памятник...". Уже в слове "памятник" угадывалась смесь иронии с осуждением, вызванная тем, что Трифонов писал не столько о потере жены, сколько о собственном горе. Поэтому не жене — "памятник", а себе — "памятник". Но потом Твардовский вдруг проявил неожиданную мягкость: "Если хотите, мы его напечатаем. Как хотите". Трифонов "очень хотел", поскольку считал его "из пятерки лучших рассказов" и поскольку для него он слишком много значил: "Он был о больном, самом больном для меня тогда, и казался мне настоящим". Рассказ был напечатан, отношения с Твардовским восстановились. Помимо всего прочего Твардовский проявил человеческое участие к горю Трифонова.

В рассказе Трифонова "Самый маленький город" еще было заметно влияние Хемингуэя, которым он увлекался в начале 60-х годов и чей портрет висел у отца напротив письменного стола. Та же недосказанность — нигде не было ни слова сказано о смерти жены. Та же "теория айсберга", когда о главном не говорилось, а можно было лишь догадываться. Так отец догадался, о чем думала дочь:

"Вошла Аля, и я по ее глазам понял, о чем она думала; ее лицо было бледно и ничего взрослого, такое маленькое, детское, бледное, гордое лицо, и мое сердце рванулось и сжалось, но я ничего не сказал".

В счастливое для нашей семьи время мои родители встречали Новый 1963 год вместе с писателем Виктором Драгунским и его женой Аллой. Позже А. Драгунская написала:

"Мне вспомнился Новый год в нашей квартире на Каретном ряду, который мы встретили с Ниной и Юрой... Когда было достаточно выпито и "отсмеяно", Юра вдруг сказал, оглядев наши книжные полки: "Витя, где у тебя Хемингуэй?". Найдя и полистав одну из его книг, он нашел то, что ему было нужно, и сказал: "Садитесь поближе. Я буду читать вам кусок из моей любимой повести". И Юра начал читать. Это была глава из "Иметь и не иметь". Тот момент, когда Мария узнает о смерти Гарри, смертельно раненного кубинцем. "Кубинцы всем приносят несчастье", — думала Мария. Сидя одна, она вспоминает жизнь с Гарри Морганом. Как они любили друг друга! Это потрясающий кусок. Юра читал прекрасно, глухим низким голосом, но так проникновенно! Нина смотрела на него блестящими, влюбленными глазами.²

² Цитировано по книге А. Шитова "Юрий Трифонов, хроника жизни и творчества". Екатеринбург, 1997.

О детстве и юности Трифонова

Юрий Трифонов (1925-1981) родился в привилегированной семье. Его отец профессиональный революционер Валентин Трифонов был крепко встроен в систему партийной власти. Мать Евгения Лурье была молода и верила в будущее своей семьи. Его матери было 20 лет, когда родился первенец. Дочь Татьяна родилась через два года. Хотя дочь была ближе матери, сын всегда оставался ее любимцем. Она с раннего детства распознала его литературные способности.

Первый удар поразил Юрия в 1937 году, в возрасте 11 лет, — арест отца как "врага народа". Вслед за ним в 1938 году была арестована и отправлена в лагерь мать. Когда ее забирали, она просила сына не терять мужества и не бросать занятия литературой. 12-летний Юрий записал этот эпизод в свой дневник (1938 г.):

"— Ну, все! Кончено! Больше писать не буду! — в отчаянии махнул я тогда рукой.

— Ничего, пиши, у тебя уже хорошо получается! — сказала мне мама".

Вера матери помогала ему в испытаниях, которые последовали довольно скоро. Юрия с сестрой Татьяной выселили из дома правительства напротив Кремля ("Дома на набережной") в коммунальную квартиру. Их воспитывала строгая бабушка по материнской линии, тоже старый большевик Татьяна Словатинская.

Из романа "Утоление жажды":

"Нет, настоящее было, но недолго, лет до одиннадцати, детство было настоящее, а потом все полетело кувыркком: отрочество ни к черту, юность искалечена войной, а потом непрерывная борьба за то, чтобы быть человеком, несмотря ни на что. Всю жизнь я изо всех сил старался поправить непоправимое. И тысячи других занимались тем же".

Юрию и Татьяне Трифоновым все же повезло больше, чем другим. В первых, они воспитывались у бабушки, а не в детском доме, как многие их сверстники в схожей ситуации: Сталин не арестовал Словатинскую, которая давала ему приют во время нелегального проживания в Петербурге до революции и помогала ему деньгами и теплыми вещами, когда тот находился в ссылке в Сибири. Во-вторых, из лагеря, правда, через восемь долгих лет, вернулась мать.

Во время войны из-за сильной близорукости (-7) Юрий не был призван в армию. Но его жизнь и без того была нелегкой — эвакуация в Таш-

кент, работа на военном заводе, голод, тревога о родителях. И при этом неотрывная мечта стать писателем. Он продолжал писать стихи и прозу и в 1944 году поступил на заочное отделение Литинститута.

Успех романа "Студенты", опубликованного в 1950 году, был недолгим. Уже в мае 1951 года ему напомнили, кем он был на самом деле, — сыном "врага народа". От него отвернулись как многие друзья, так и редакторы. Долгие годы Трифонов зарабатывал спортивной журналистикой. У него наступила мучительная творческая пауза на двенадцать лет.

О детстве и юности Нины Нелиной

Нина Нелина (урожденная Нюренберг, 1923-1966) родилась в артистической семье. Ее отец Амшей Нюренберг был художником и искусствоведом. Мать Полина Мамичева — балериной и художницей.

Нине было семь лет, когда мать привела ее в музыкальную школу Гнесиных. Проверив ее музыкальный слух, директор школы Елена Гнесина сказала: "Девочка способная. Она мне понравилась, и я беру ее к себе". Во время учебы на фортепиано Нина напевала. Таким образом, у нее был обнаружен голос (колоратурное сопрано). Перед войной она окончила Гнесинское училище по двум дисциплинам — фортепиано и вокалу.

Во время войны Нина была в Ташкенте с родителями, куда ее отец Нюренберг был направлен для работы в Узбекском Союзе художников. Она начала учиться в Ленинградской консерватории, которую тоже эвакуировали в Среднюю Азию.

Удивительное совпадение: в том же 1942 году Юрий и Татьяна Трифоновы вместе с бабушкой Словатинской тоже находились в Ташкенте. Юрий заканчивал там школу. Об этом времени он вспоминал позднее в повести "Исчезновение" (1987). Он, как и Нина, мечтал поскорее вернуться в Москву, что оба и сделали при первой возможности. Как же они там не встретились? Но, может быть, они все же друг друга заметили? И это определило их дальнейшую судьбу?

В возрасте 23 лет Нина еще до окончания консерватории начала выступать в Киевской опере, но скоро вернулась в Москву, где после первого же прослушивания была принята в Большой театр. Когда в 1946 году стала оформлять документы, ее предупредили: "У нас — русский театр". Нина взяла себе артистический псевдоним Нелина, производное от имени "Неля", как ее называли дома.

Нина Нелина после исполнения роли Розины в "Севильском цирюльнике"
Фото из журнала "Смена", 1948 г.

В 1948 году Нелина дебютировала в роли Розины в опере Россини "Севильский цирюльник". Целый год готовила эту роль под руководством народной артистки Валерии Барсовой и выступила с большим успехом. В газетах появилось много восторженных отзывов, Нелину называли самой молодой и обаятельной исполнительницей роли (журнал "Смена" за 1948 г., статья "Самая молодая Розина"). Роль Розины всегда оставалась одной из лучших в репертуаре Нелиной.

За время работы в Большом театре Нелина участвовала в 15 постановках, в том числе исполнила главные женские роли в операх "Риголетто" и "Лакме", выступала с театром на гастролях в Венгрии, Германии, Австрии. В 1955 году вместе с группой известных артистов участвовала в концертах на Северном полюсе.

Однажды на выступлении Нелиной побывала поэтесса Инна Гофф³, тогда еще студентка Литинститута. Вот какое свидетельство она оставила в своих воспоминаниях:

"Мне случайно довелось быть на ее дебюте. Она пела партию Джильды в "Риголетто". Не будучи театралкой, завсегдагаем премьер, знакомом

³ Вскоре она стала женой поэта Константина Ваншенкина. И. Гофф и К. Ваншенкин учились вместе с Ю. Трифоновым в Литинституте. Семья Ваншенкиных была дружна с семьей Трифоновых.

оперного искусства, я, тем не менее, отметила тогда в дневнике, выделила для себя первое выступление незнакомой мне новой певицы:

"...на "Золушку" не хватило 14 рублей. С горя пошли в филиал Б. Т. на "Риголетто". Пели Иванов — Риголетто, Ханаев — Герцог, Джильду пела — 1-е выступление — молоденькая певица Нина Нелина. Голос хороший, ей много и тепло аплодировали".

Судя по записям в дневнике, было одиннадцатое декабря сорок девятого года. Воскресенье. Дневной спектакль. Вспоминаю, что было много цветов. И что после спектакля ее без конца вызывали. Она выходила, прижимая к груди охапку цветов, роняя их. С горящими щеками...⁴

Начало семейной жизни

По поводу известного высказывания Л. Толстого о том, что "все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему", Трифонов в повести "Предварительные итоги" рассуждал: "Толстой прав наполовину, все счастливые семьи счастливы одинаково, это верно, но и несчастные семьи тоже ведь, боже мой, несчастливы как-то однообразно". А может быть, наоборот: "Все счастливые семьи счастливы по-разному, и все несчастливые семьи несчастливы тоже по-разному"?

Трифонов и Нелина очень любили друг друга. Но так быстро все пронеслось... Они познакомились, сразу увлеклись друг другом и быстро поженились. Потом начались трудности.

В мае 1951 года, когда Трифонов познакомился с Нелиной, он пребывал в угнетенном состоянии. После успеха романа "Студенты" над ним в Литинституте устроили настоящее судилище и чуть не исключали из комсомола. Его друзья либо высказывались о нем негативно, либо просто отмалчивались. Как и на всех показательных процессах, выступавшие отмечали в Трифонове недостаток лояльности. В частности, он читал стихи неблагонадежной Ахматовой.

Этот жизненный урок тяжело дался Трифонову (см. рассказ "Недолгое пребывание в камере пыток" из сборника "Опрокинутый дом", 1981 г.). После первого столь жизнерадостного романа "Студенты" он уже никогда не мог создать ничего оптимистичного. И крайне редко улыбался. Хотя любил шутки и смеялся остроумам других, например, своего друга Л. Гинзбурга.

⁴ И. Гофф. "Водяные знаки". "Октябрь", 1985, № 8.

23 сент. 51

Дорогая Нина!

Я безумно люблю Вас.
Нам необходимо встретиться.
Вы не знаете меня, но сегодня
мы должны познакомиться, и...

Вы всё узнаете! Всё, всё!!!
Ради бога не отвергайте моего
предложения! Умоляю Вас!

Сегодня в 6 ч. вечера мы
встречаемся у старшицы "Динамо"
и едем за город.
Это решено! Я уверен, что
Вы согласитесь.

Любимая, жду Вашего ответа
у 1-го подъезда.

Ваш навеки Ю. Трифонов
P.S. Вы были сегодня восхитительны!

На первое свидание Трифонов пригласил Нелину на футбольный матч. Она посчитала стадион забавным местом для встреч и часто об этом вспоминала. Надо признать, что писатель довольно неуклюже начал ухаживать за красивой артисткой. Но для этого есть и объяснение, ведь Трифонов уже тогда начал увлекаться футболом, а мама жила в Доме художников на Верхней Масловке, рядом со стадионом "Динамо".

У меня сохранилась любовная записка Трифонова Нелиной, в которой он в шуточной форме, стараясь скрыть неловкость, объяснялся ей в своих чувствах. Иначе как шуткой я

не могла бы объяснить в записке обилие восклицательных знаков, обращение к Богу, слова "любимая, умоляю и т. д.". Подобные стиль и лексика были совершенно не свойственны обычно сдержанному Трифонову:

"Трифонов — Нелиной в Большой театр, 23 сент. 51 г.

Дорогая Нина!

Я безумно люблю Вас. Нам необходимо встретиться. Вы не знаете меня, но сегодня мы должны познакомиться, и... Вы все узнаете! Все, все!!! Ради бога не отвергайте моего предложения! Умоляю Вас!

Сегодня в 6 ч. вечера мы встречаемся у стадиона "Динамо" и едем за город. Это решено! Я уверен, что Вы согласитесь.

Любимая, жду Вашего ответа у 1-го подъезда.

Ваш навеки, Ю. Трифонов.

P. S. Вы были сегодня восхитительны!

Ю. Три..."

Уже при первом знакомстве отец рассказал маме о своем трагическом детстве, об аресте родителей. А у мамы, напротив, было счастливое детство, обожавшие ее родители, безоблачная карьера. И она сразу пожалела отца, так как чувствовала потребность помогать тем, кто в этом нуждался.

Узнав о жизненных испытаниях отца, мама сразу взяла его под свою опеку. И стала его жалеть. По шекспировской формуле: "Она его за муки полюбила, а он ее за сострадание к ним". Ее сочувствие было первым признаком любви. Отец сам утверждал, что мама была крайне жалостлива. Зная это на собственном опыте, он иногда опасался, что мамина жалость могла перекинуться и на других. Испытывал муки ревности. Поэтому написал в "Долгом прощании":

"От этой мысли была смутная радость и чувство превосходства: таинственное *что-то*, нужное для счастья, казалось Ляле, у нее есть. Потому что, когда другие были несчастны, ей хотелось жалеть и облегчать, делиться чем-то, а значит — было чем делиться, если получалось такое желание".

И далее:

"Тут не актерское, не среда, а — характер. Доброта, будь она неладна... Ребров знал, что при Лялином мягкосердечии самая страстная ненависть может легко перекинуться в страстное сожаление, даже в сочувствие, тут надо держать ухо востро".

Родители поженились в мае 1952 года. Позже мама записала в своем дневнике:

"...годовщина свадьбы 2-е мая — действительно, я маюсь".

Для Нелиной брак с Трифоновым был вторым. Первый раз она вышла замуж в 18 лет за своего сокурсника в Гнесинском училище, красавца Владимира Чекалина. Это был незрелый студенческий брак, который продлился недолго. Впоследствии Чекалин стал солистом Львовской оперы.

Сложности семейной жизни и сложности характеров двух талантливых и уже сложившихся личностей обозначились довольно рано. Мое появление на свет лишь добавило проблем. Мама начала разрываться между театром и ребенком. Трифонов, которому в ту пору было всего 26 лет, искал свое место в литературе и не был готов к роли отца. Бабушка Полина нянчилась со мной, но и, как многие тещи, подливала масла в огонь.

Из дневника Нины Нелиной:

"Литературу я любила с раннего возраста. Читала очень много. В книгах я видела вторую жизнь, преображенную мозгом и сердцем писателя. Книги меня воспитывали и учили. Вот почему я писателей считала людьми, наделенными богатой и интересной душой. И когда мой знакомый актер меня познакомил с писателем, я, не очень анализируя его душевные качества, увлеклась им и вышла за него замуж. Я тогда еще не понимала, что между писателем и человеком может быть большая дистанция. И что этот провал в жизни писателей — частое явление.

Мои родители к моему замужеству отнеслись весьма критически, справедливо указывая на недолголетие "брака в быстром темпе". Особенно родители были настроены против моего брака, когда узнали, что я готовлюсь быть матерью.

Мать мне часто говорила: "Ты — актриса. У тебя на первом плане — искусство, а ребенок помешает им заниматься. У Неждановой и Барсовой не было детей. Умные актрисы!" Но я твердила: "Мать, все должно быть заполнено!"

Появился ребенок. Я выхлопотала развод со своим первым мужем и узаконила свой брак с писателем. Время показало, что я не совсем верно себе представляла будущую семейную жизнь. Но я старалась не испытывать огорчения и не гнущься. Порой было тяжело и обидно, но я твердила, что нельзя терять мужество и самообладание!

Ребенок принес бессонные ночи. Я вставала с несвежей головой, усталой. Утром — репетиции, вечером — спектакли. Муж сладко спал до 11-12 часов. Завтракал в постели. Читал газеты, журналы. Потом немного поработает. Вечером — в Союз, в ресторан. Друзья, кофе, коньяк и литературные сплетни. Так текла наша жизнь. Эгоизм мужа, его неизменно укрепившееся мнение, что "он — всадник, а я — лошадь", давали себя крепко чувствовать..."

Действительно, отец был флегматичен, медлителен, пассивен, немного барин. Он не любил ездить общим транспортом или водить машину, предпочитал брать такси. В работе знал меру. Самое продуктивное время для работы у него были утренние часы. На моей памяти вставал он часов в 8. Быстро завтракал и садился за письменный стол. Работал примерно до 13-14 часов, а потом обедал, читал, слушал по радио "вражеские голоса", встречался с друзьями. Вечерами он очень редко брался за работу. Часто цитировал слова Тургенева о том, что "русский писатель любил, когда ему мешали работать". Эти слова относились к нему самому. Он мог подолгу отвлекаться от работы — на телефонные разговоры, чтение газет, спортивные передачи, встречи с друзьями, походы в ЦДЛ, поездки за границу.

Надо сказать, что на многих, особенно на женщин, Трифонов производил обманчивое впечатление. От его поклонниц я часто слышала мнение, что он умел тонко передавать женские чувства, что предполагало в нем нежную душу. Внешне он казался немного вялым, добродушным и деликатным. За этим, однако, обнаруживался скрытый темперамент и довольно жесткий характер. Трифонов умел принимать твердые решения и отстаивать свои интересы. Причем делал это неожиданно, не произнося

лишних слов. Эту особенность своего друга поэт Борис Слуцкий обозначил интересным словосочетанием: "флегматичный напор".

Мама, напротив, выглядела сильной личностью, роковой женщиной. Но, по существу, была недостаточно стойкой. Она с невероятной энергией бралась за разнообразные, часто второстепенные, дела, не очень задумываясь над тем, к чему это может привести. Когда отошла от работы, то с полной отдачей переключилась на семью, хозяйственные дела и стала жить как обычная женщина, а не как известная артистка, что в конце концов привело ее к глубокому разочарованию. К тому же, на этих хлопотах она надорвала свое здоровье. Этот феномен внутреннего разлада с собой был отражен Трифоновым в образе главной героини Риты из повести "Предварительные итоги":

"Она не должна была уходить с работы тогда, пять лет назад, ибо праздный человек теряет равновесие".

В обычной жизни мама, в противоположность отцу, была активна, делала все быстро, всегда спешила. Всю инициативу в доме брала на себя. Она старалась мотивировать отца к работе, подгоняла его. То же самое относилось ко мне — я ленилась, откладывая уроки на поздний вечер, с чем мама безуспешно боролась. Сама она вставала рано, делала зарядку, репетировала, готовилась к спектаклям. Не помню, чтобы она много готовила. Но хорошо помню, как она следила за чистотой — все постоянно мыла, собирая каждую соринку. И не ходила, а бегала, причем на очень высоких каблучках-шпильках, которые были тогда в моде. Будучи солисткой главного театра страны, она оставалась простой и доступной, не боялась физического труда, никогда не строила из себя диву, не преподносила себя как звезду. Она не страдала "звездной" болезнью, к чему имел склонность Трифонов.

Иногда, на мой взгляд, мама была даже чересчур демократичной. Вспоминаю такой случай. Будучи красавицей с юности и до последних дней жизни, она постоянно привлекала к себе внимание, где бы ни находилась. Но относилась к этому буднично и с юмором. Однажды мы стояли в очереди в магазине. Было лето, и мама надела платье с яркими цветами и глубоким декольте. Мужчина, стоявший рядом, долго смотрел на это декольте, а потом неожиданно ткнул в него пальцем, будто желая удостовериться, настоящее ли оно. Мама несколько не возмутилась, но восприняла это спокойно. Мы долго смеялись над этой историей.

Столь большое различие в темпераменте и даже трудолюбии приводило к тому, что родители часто ссорились. Причин для ссор, как всегда, хва-

тало. Мама была вспыльчивая и обидчивая. Она могла сгоряча наговорить резкостей, но потом быстро все забывала и шла мириться. Отец не был злопамятным, но отличался невероятным упрямством. Он не желал идти на поводу у того, что считал "женскими капризами". К тому же, его отличали болезненное самолюбие и сосредоточенность на себе, на целом клане Трифоновых.

Когда в конце 50-х годов мы жили на Ломоносовском проспекте, мама один раз в гневе разбила папины очки, что меня очень огорчило. В другой раз, уже на Песчаной улице, она в сердцах выбросила с шестого этажа елку, которую отец принес в дом к Новому году. Была чем-то разгневана. Однажды на даче она, к полному изумлению друзей, просто выкинула на улицу трофейную китайскую игру маджонг, в которую Трифонов часто играл с Львом Гинзбургом и их общим другом, которого они называли Полковником. Мама посчитала, что друзья отвлекали отца от работы. Трифонов дивился таким сумбурным реакциям, но это его мало трогало.

Друзья родителей — супруги поэтесса Инна Гофф и поэт Константин Ваншенкин — давали разные оценки маминого характера. Они говорили, что Нина была *горячая* (И. Гофф), или *вздорная* (К. Ваншенкин).

Нарастающие сложности

Позже моих родителей стало разделять и то, что у отца карьера пошла на подъем, а у мамы на спад. В 1956 году, вскоре после XX съезда партии, в Большой театр поступил список артисток, которых привозили к Берии, где значилась и моя мама. Это больно ударило не только по ней, но и по Трифонову. По Москве пошли слухи, создающие неприятные ситуации. В защиту мамы бабушка Полина написала обличительное письмо в администрацию Большого театра, чем лишь обострила и без того напряженные отношения на маминой работе. Этот эпизод был описан Трифоновым в повести "Долгое прощание". В результате Нелина в 1957 году была вынуждена перейти из Большого театра в Госконцерт. А в 1963 году уволилась по состоянию здоровья.

Мама продолжала оставаться красивой, но начала болеть и чувствовала, что стареет. Она стала больше ревновать отца. Вместо того чтобы ее успокаивать, отец сознательно разжигал ее ревность, дразнил ее ("и для потехи раздувал чуть затаившийся пожар"). Не знаю, была ли мамина ревность обоснована. В любом случае, можно найти и перечислить массу других поводов, по которым люди могут раздражать друг друга и не ла-

дить между собой. Особенно когда не идут на компромиссы и не желают делать уступки.

Недавно я пересмотрела фильм Феллини "Джульетта и духи" глазами мамы, как она увидела его в 1966 году, оставив запись в своем дневнике:

"В среду я взяла билет на 9 утра на фильм Феллини "Джульетта и духи". Какая великолепная Мазина! Какое скорбное, умное и лучистое лицо. Сюжет понятен и близок каждой женщине. Джульетта меняет парик за париком, платье за платьем. Ей ничего не идет, она стареет. Очень грустно, но это так, тем более она льнет к любви. Но, к сожалению, он лжет, обманывает ее. У него любовница. И вот случайно она узнает о его связи, и мир вокруг нее рухнет. Ее преследуют духи, злые видения, кошмары. Она чувствует, что сходит с ума, ей страшно, она зовет маму, сестру, но человек одинок, всегда одинок, и надо суметь, надо побороть свою болезнь и надо жить. И вот после всех галлюцинаций и кошмаров она выходит на луг, зеленый прекрасный луг и идет со своей чудесной жалкой улыбкой. Идет вперед, зритель верит: она будет жить, муж ее покинул, но она справится. Много в фильме символики, бутафории, фрейдистских мотивов, но в основе лежит реалистическая женская судьба, и она трогает и заставляет плакать".

Несомненно, мама делала проекцию на себя, на свои отношения с отцом, испытывая схожие страхи, что и героиня. Ее мучили те же демоны ревности, недоверия. И так же, как Джульетта, она надеялась избавиться от своих наваждений и выйти на луг с чудесной улыбкой. Она действительно избавилась от мук, но, к сожалению, оказалась в ином мире. Возможно, Феллини и вкладывал такое двойное метафорическое значение в понятие "луг".

Вспоминается моя единственная поездка с родителями в Коктебель в 1960 году. Мама распевала модную тогда песенку:

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там в краю далеком
Буду тебе женой.

Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но там, в краю далеком,
Есть у меня жена...

Раньше мне казалось, что эта песня — о коротком курортном романе. Когда я размышляю теперь над ее смыслом, мне представляется, что женщина просит мужчину впустить ее в свою жизнь, а тот отгораживается от нее под разными предлогами — то у него уже жена есть, то сестра... Существует такой стиль отношений, когда партнеры заблокированы, неспособны выразить свои чувства, перейти границу. Возможно, это имела в виду Ахматова, когда писала: "Есть в близости людей заветная черта, ее не перейти влюбленности и страсти..."

Однажды по неизвестной мне причине мама с отцом поссорились. Отец решил уехать в Москву, оставив нас на курорте одних. Он поехал с кем-то на машине, но через несколько часов вдруг предстал перед нами с растерянным видом. Мы с мамой не удивились. Такое случалось и раньше: родители ссорились, отец уезжал, но позже по какой-то причине возвращался назад. Однако теперь дело выглядело серьезно. Водитель "мерседеса" несся со скоростью 120 км по горной крымской дороге и сбил старика с внучкой, одного из них насмерть. Водителю как-то удалось выкрутиться, откупиться деньгами. На отца этот случай произвел тягостное впечатление. Ведь он спешил в Москву, что могло подтолкнуть водителя ехать быстрее и спровоцировать аварию. Эти угрызения совести переданы в повести "Предварительные итоги":

"Впрочем, было и убийство. Трагическая история шесть лет назад, когда я возвращался из Риги на машине Арутюняна, его жена сидела за рулем, и мы сбили на Минском шоссе старика. Бедняга был пьян вдребезину. Он умер через два часа в больнице. По закону отвечала жена Арутюняна. Ее сумели спасти, она получила год условно, но ведь и я был виновен — я очень спешил в Москву, так же, как она".

Наблюдая трудные отношения моих родителей и то, что мама стала отходить от профессии, моя бабушка Полина несколько раз вмешивалась, умоляя маму развестись. Но ничего не менялось, родители продолжали жить вместе. Мама утверждала, что не хотела оставлять меня без отца. Но я думаю, что дело было не только в этом.

У меня сохранилось мамино заявление в народный суд с просьбой о разводе, "так как мы не можем жить без ссор, а это невыносимо", — объясняла она свою мотивацию. Но заявлению так и не был дан ход: отец уговорил маму изменить свое решение, и она согласилась. Это произошло вскоре после возвращения из Парижа.

В 1960 году Трифонов и Нелина впервые посетили Париж, где мама была со своими родителями в далеком 1928 году, а отец до этого никогда

не был. Дед постоянно рассказывал о двух поездках в Париж в 1910-х и 1920-х годах, о своих друзьях. И мама всегда мечтала когда-нибудь посетить этот замечательный город. Именно Трифонов помог маме осуществить ее мечту. В чем же тогда заключалась причина их конфликта?

Нюренберг снабдил родителей адресами своих старых друзей, которые еще оставались живы. Тогда Трифонову не удалось посетить Марка Шагала, с которым Нюренберг делил одно ателье в 1911 году и сохранял с ним дружбу долгие годы. Однако Трифонову с Нелиной удалось найти другого друга Нюренберга, с которым он жил в юности в Елисаветграде и в Одессе: скульптора-анималиста Иосифа Константиновского (во Франции он укоротил свое имя на Констан). Следы этого посещения угадываются в небольшом эссе Трифонова "Начало" (1976). Настоящее имя художника не названо Трифоновым из политических соображений — в те годы встречи с художниками-эмигрантами могли иметь для отца плохие последствия:

"Десять лет назад в Париже я искал одного художника, который переселился в Париж до революции. Он начинал когда-то вместе с Марком Шагалом и другим художником⁵, оставшимся в России, который дал мне адрес и просил передать привет Шагалу и этому второму. Шагал оказался на юге, второго я нашел на окраине Парижа. Он был анималистом... Комната была одновременно мастерской. Все было знакомо, как везде, как в старых мастерских в доме художников на Верхней Масловке, где я прожил пять лет: гипсы, подрамники, кушетка, запах краски, электроплитка, на которой стоял чайник".

О поездке моих родителей в Париж вспоминали друзья отца. Родители рассказывали, как перед обратным вылетом не могли найти свои документы и билеты. Поэтому они застряли в Париже и были вынуждены обратиться в советское консульство. А потом билеты вдруг обнаружили в их собственном чемодане. Тех, кто хорошо знал Трифонова, это обстоятельство нисколько не удивило. Отец часто бывал рассеян: забывал важные документы, не раз опаздывал в аэропорт, и самолет улетал без него.

Я помню, что родители вернулись из поездки притихшие и без багажа. Багаж пришел позже. Это я хорошо запомнила, так как ждала "заморских" подарков, а вместо этого получила неопределенные заверения в их скором прибытии. Мама показалась мне непривычно тихой. Скорее всего, дело было не в билетах и документах, а в багаже, который был почему-то задер-

⁵ Имеется в виду художник А. Нюренберг.

жан и пришел отдельно. Возможно, друзья Нюренберга что-то передали для него, что вызвало проблемы с таможей и потребовало вмешательства консульства. Теперь можно лишь строить догадки о том, что история с посещением художника-эмигранта переполнила чашу терпения отца, который очень серьезно относился к своей литературной карьере и не хотел ею рисковать. В Париже родители уже твердо решили развестись, но в Москве вновь помирились.

Раньше, когда родители ссорились, мне было всегда жалче папу. Он был тихий, а мама шумная. Постепенно я стала все больше и больше принимать мамину сторону. Делала это интуитивно, чувствуя, что мама имела более уязвимую позицию. Один раз после ссоры родителей я даже возмущенно заявила отцу: "Я бы никогда не вышла за тебя замуж!". В повести "Другая жизнь" я обнаружила типичную для себя реакцию на ссоры родителей:

"Иринка тоже молчала. Она чутко улавливала трещины и размолвки, возникавшие между родителями, и реагировала по-своему. Нет, не пыталась рассеивать, веселить или мирить, как, по рассказам, делали другие дети, а вела себя точно так же, как родители: если они угрюмо молчали, и она тотчас замыкалась, если были сварливы и раздражительны, и она разговаривала точно так же раздражительно, ворчливо, как маленькая старушонка".

У мамы рано появилась усталость от жизни, что было вызвано взаимным непониманием в семье. В повести "Предварительные итоги" Трифонов зафиксировал настроения и разговоры, которые велись в нашей семье "на кухне". Героиня размышляла о том, что ей уже поздно менять свою жизнь:

"Она говорила: "Когда три эгоиста живут вместе, ничего хорошего быть не может". — "Да, но у каждого эгоиста есть выход, — говорил я. — Найти доброго человека, который будет ему все прощать". — "Это такая волынка — искать доброго человека. Я устала. Я уже старая женщина".

Напряжение в семейной жизни нарастало. Отец был сдержан и закрыт, а мама слишком эмоционально все воспринимала. Она нуждалась в проявлении чувств, а отец был слишком сосредоточен на себе. Ему было важнее всего состояться как писателю. После долгой паузы отец написал роман о строительстве Каракумского канала "Утоление жажды" (1963). Но это была не его тема и не та книга, которую он действительно хотел писать. Поэтому получилось вымученно, полуправда. Он чувствовал раздражение, которое срывал на близких людях.

Когда в стране началась "оттепель", Трифонов занялся историей своего отца. Работал в архивах, встречался со старыми большевиками. Появилась документальная повесть "Отблеск костра" (1965). Мама усмотрела в этой книге не столько гражданскую смелость, сколько желание напомнить о славном прошлом своей семьи и попытку вписаться в модную дискуссию. В своем дневнике Нелина написала в 1966 г.:

"Сейчас в связи с темой культа личности все старые большевики и их родственники хотят оживить историю и показать себя, какими они были героями и как много они сделали для народа. Да. Все это для себя. Все это — хвастовство. И очерк Юра пишет для себя, чтобы рассказать, что его отец был в правительстве. Вот видите, какой я! И этим возвыситься. Все это тщеславие!

Очерк скучный, хотя проза кое-где хороша. Отец выглядит каким-то вождем, почти всенародным, а Юра — сыном этого вождя".

Надо пояснить, что мамина реакция подогревалась нарастающей неприязнью между ее семьей и семьей отца, которая достаточно тяжело сказывалась на Трифонове. Мама упрекала Трифоновых в показном альтруизме, называя его "ханжеством", а Трифоновы относились к артистическим интересам Нюрнбергов с известным высокомерием. Мучительные чувства раздвоенности между двумя семьями были подробно описаны Трифоновым в повестях "Обмен", "Долгое прощание", "Другая жизнь".

Мама была откровенна как в восхищении талантом отца, так и в критике его взглядов и поступков. Она непреклонно верила в его писательский дар, но и не оставляла без внимания его человеческие недостатки: тщеславие, равнодушие, эгоизм. Поэтому в "Предварительных итогах" Трифонов написал:

"Но главное, что было в Рите, при всех ее качествах и невозможностях, — она понимала, что я такое, как я задуман и что из меня получилось. Даже в тот последний день, когда произошла ссора из-за жировок и Рита сказала, что я профессор Серебряков, что она всю жизнь надеялась на что-то во мне, но ничего нет, я пустое место, профессор Серебряков, я это услышал и не взорвался. Потому что в ее словах была боль, истинная боль, которую я почувствовал".

О том, как близко к сердцу принимала мама все написанное отцом, свидетельствовала И. Гофф, посетившая с К. Ваншенкиным и их общим другом, известным футболистом А. Старостиным, моих родителей:

"Она показала мне только что написанную статью Юры в защиту катаяевского "Святого колодца". Усадив за стол, заставила тут же прочесть..."

Потом сказала, что Юра написал несколько очень хороших, просто великолепных рассказов. В ее словах звучала материнская гордость".

(И. Гофф. "Водяные знаки")

Смерть мамы

Последний мамин дневник, который она писала в 1966 году, незадолго до своей смерти, был грустным в отношении себя и суровым в отношении отца:

"Господи, помоги! Хочу быть здоровой, энергичной, и, если надо будет, расстаться с Юрой. А не быть такой несчастной, зависимой.

Чувствую себя понемногу лучше. Уже нет такой угнетенности, а есть чувство, что жизнь может быть хороша, прекрасна. Думала о любви мужчины к женщине, о желании обладать и жить физически. Забота о женщине, желание окружить ее вниманием, теплом, щедрость к ней, ничего не жалко для любимой. Жалость к ней и боль, если ее обидят, гордость за нее. Можно найти, чем гордиться во всякой женщине, и желание быть ее защитником, опорой, если даже на нее никто не нападает, а она сама может напасть.

У Юры этого нет. Только глухое раздражение, злоба, желание сделать больно и говорить и делать то, что мне неприятно, по возможности неприятнее, по возможности, назло.

Не чувствую себя женщиной с ним, да еще красивой... Всегда ощущение бедной родственницы, да такой, которой стесняются. У меня всегда есть чувство, что он выдает меня за другую. Это не я, а какая-то несчастная дурочка. Как это он ухитряется? Я не ощущаю не только локтя его товарищества, а даже элементарного интереса к своей соседке. Оля, которая очень редко, но все же где-то с ним была, тоже очень жаловалась на его полную индифферентность к ней.

Станный человек! Не интересуется ничем в отношении меня и думает, что все должны им интересоваться. Его делами".

Отцу мама там же адресовала предостережение:

"Он еще не догадывается, в какой пустыне он скоро окажется".

Через несколько лет отец в повести "Другая жизнь" описал схожими словами свое одиночество после ухода мамы из жизни. Только вложил эти мысли в голову женской героини, тоже внезапно потерявшей мужа. Образ "леса" часто использовался в произведениях Трифонова как метафора "жизни":

"Она подумала: как мне жить в этом лесу одной?"

В отличие от мамы, Трифонов был не столь прямолинеен в своих оценках и высказываниях. Как в литературе, так и в жизни он привык выражаться эзоповым языком. Поэтому часто прибегал к помощи цитат. В юности Трифонов сам сочинял стихи, иногда делал дарственные надписи на книгах в стихотворной форме. Но всегда любил декламировать стихи, и хорошо это делал, выражая тем самым свои тайные мысли. Только с годами я начала понимать, что имел в виду отец, зачитывая мне те или иные строки.

Трифонов был хорошо знаком с немецкой лирикой. Этот интерес был не случаен. В детстве в семье Трифоновых жила немецкая бонна, которая разговаривала с ним и его сестрой Татьяной по-немецки. Даже при поступлении в Литинститут Трифонов подавал в приемную комиссию собственные переводы Гете и Гейне, но экзаменаторы предпочли его единственный рассказ. Ближайшим другом отца был знаток немецкой поэзии Лев Гинзбург. Друзья часто зачитывали друг другу те или иные стихи немецких поэтов.

Строки одного стихотворения Гейне я часто слышала от отца: "но в мире ином друг друга они не узнали". Эти же строки я встретила позже в его последнем романе "Время и место" (1982). Что они означали? Опасался ли отец того, что они с мамой не узнают друг друга в "мире ином"?

Когда я целиком прочла стихотворение Гейне (в переводе Лермонтова), из которого взята цитата, я была поражена. Так это стихотворение соответствовало отношениям моих родителей, их мучительной любви, которая не могла себя выразить, полностью реализоваться. Только гений, точнее, два гения — Гейне и Лермонтов — могли отразить эти противоречивые чувства:

Они любили друг друга так долго и нежно
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою видали, —
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом⁶ друг друга они не узнали.

⁶ В других переводах — "в мире ином".

Жизнь мамы внезапно оборвалась в Друскининкае, куда она уехала после ссоры с отцом. Эта ссора была одной из многих, но оказалась последней. Отец никогда в этом никому не признавался, но всю жизнь корил себя этим. Как будто два друга отправились в бой, а из боя возвратился только один. И другой всю жизнь испытывал необъяснимое чувство вины перед своим рано погибшим другом.

Смерть Нелиной в 1966 году глубоко потрясла Трифонова. Его "московские повести" отразили все этапы семейной драмы. "Долгое прощание" — первая стадия семейных отношений. Он — начинающий писатель, она — поднимающаяся в карьере артистка. Поиски пути, компромиссы. "Обмен" — молодая семья, столкновение двух родственных кланов, дефицит чуткости в отношениях. "Предварительные итоги" — кризисные отношения двух зрелых людей, жена не работает, муж перебивается случайными заказами, оба неудовлетворенны, раздражены и не щадят друг друга. "Другая жизнь" — один из партнеров умирает, другому память возвращает совместную жизнь, угрызения совести.

На вопрос американских славистов в 1977 году, насколько автобиографичной являлась его повесть "Другая жизнь", Трифонов отвечал следующее:

"И я терял близких, и как раз толчком к этой вещи была смерть близкого мне человека, моей первой жены Нины. Эта смерть произошла совершенно внезапно в 1966 году, абсолютно неожиданно, непредвиденно. Это оказало на меня очень страшное воздействие, и долгое время я как-то не мог даже по-настоящему прийти в себя и работать. Я не могу сказать, что это длилось годами, но, во всяком случае, несколько месяцев. Состояние было очень тяжелое..."⁷

Отец говорил: "В нашей семье у всех есть талант — у меня, у Нины, у Нюренберга..."

— Твои старики звонили, — говорил мне отец, когда мы с ним еще жили вместе.

Или:

— Звонила старуха.

А другой раз просто:

— Звонила бабка!

Тогда я понимала, что мне звонили бабушка с дедушкой. Когда к теле-

⁷ А. Шитов. Там же, с. 507.

фону подходил отец, они сразу бросали трубу. После смерти мамы их отношения с отцом были окончательно порваны. Я знаю, как, овдовев, страдал отец. Но и судить стариков я не могла.

После смерти мамы у стариков разгорелся конфликт с отцом. Они писали на него жалобы в Союз писателей, писали открытые очерняющие его письма. Распространяли по разным инстанциям мамин дневник. Иногда бабушка звонила отцу ночью с проклятиями. Я видела, как после таких звонков у отца дрожали руки.

Бабушка, Полина Мамичева, происходившая из старообрядческой купеческой семьи, отличалась нетерпимостью и стремлением к справедливости, что принимало резкие и причудливые формы. В частности, она писала многостраничные тексты разоблачительного свойства, которые сама она называла "срыванием масок", и отправляла их как близким людям, так и в инстанции.

Бабушкино эпистолярное творчество особенно обострилось после смерти мамы. В своих письмах она обвиняла отца в том, что он загубил мамину карьеру, что плохо о ней заботился, не проявлял отзывчивости, когда она болела и нуждалась в его помощи. Он позволил уехать маме на лечение без путевки. Она была предоставлена самой себе, снимала комнату у чужих людей. Накануне смерти мама позвонила отцу. Она просила его приехать. О чем они говорили? Может быть, он грубо с ней говорил, и утром с ней случился приступ? А может быть, мама от обиды приняла слишком много снотворного? Точно известно, что перед поездкой они поссорились. Мама уехала взбудораженная, в расстроенных чувствах. Незадолго до этого мама жаловалась бабушке: "У меня плохая семья". Все это старики не могли простить отцу.

Отец часто зачитывал мне вслух еще одно стихотворение Гейне, несомненно, подразумевая конфликт двух семейных кланов, ужасную травлю, которую ему устроили мои старики, и непостижимый уход мамы из жизни:

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней, —
Одни — своею любовью,
Другие — враждою своей.

Они мне мой хлеб отравили,
Давали мне яда с водой, —
Одни — своею любовью,
Другие — своею враждой.

Но та, от которой всех больше
Душа и доселе больна,
Мне зла никогда не желала,
И она не любила меня!

В какой-то степени отец бы прав. Мама ушла из жизни, оставив нас всех на произвол судьбы, вышла из игры.

Дед, художник Амшей Нюренберг, вначале видел в своем зяте талантливого писателя, родственную творческую душу. Но, прожив с Трифоновым шесть лет в Доме художников на Верхней Масловке и наблюдая с близкого расстояния его эгоизм, а затем прочитав мамин дневник, написанный ею за несколько месяцев до смерти, он полностью поменял к нему свое отношение. Нюренберг тоже написал Трифонову 20-страничное письмо, где дал собственную оценку причин гибели своей единственной дочери.

Из письма Нюренберга — Трифонову (1969 г.):

"Юра!

Прошло три года. Три года, как мы опустили в могилу урну с прахом нашей безгранично любимой, дорогой Нины... Три года невыносимых страданий и слез...

Долго я не мог глядеть на мраморный бюст Нины, на ее развевающиеся волосы, на печальные губы и, особенно, на глаза, полные сдержанного глубокого страдания. На меня глядит молодая, красивая, благородная женщина, за улыбкой скрывающая свои скорбные переживания.

Часто мне кажется, что Нина шевелит губами и меня спрашивает: почему вы меня не спасали, врача не звали? Где вы были?

Если Вы не забыли, через несколько дней после смерти Нины, в присутствии Левы Гинзбурга я много говорил о причинах смерти Нины. Гинзбург убеждал нас, что в ее смерти виновато только ее больное сердце. И чтобы смягчить эту страшную трагедию, я и Вы, Юра, должны жить в дружбе, подать друг другу руку. Я протянул Вам руку. Потом мы разошлись.

Перед трагическим отъездом она успела заскочить к нам и рассказать, как вы ее травили:

Трифонов и Нелина
1960-е годы

— Он сегодня был невыносим... все хулиганил. Я должна отдохнуть от него.

Мы ее умоляли остаться, но она, находясь в сильном возбуждении, была неумолима.

— Нет, нет, — повторяла она, — я еду.

Я предлагал себя в попутчики.

— Нет. Нет.

Тогда себя в попутчики предложила Полина Николаевна:

— Я тебя, дочка, буду успокаивать... Буду за тобой ухаживать.

— Нет, нет, — повторяла Нина, — я поеду одна.

И часто хваталась за сердце.

Профессор Коган утверждает, что в эти часы начало инфаркта уже было у нее оформлено.

Вы, с присущей Вам жестокостью, махнули на все рукой. Доведя ее до белого каления и решив ее "хорошенько наказать", Вы ее отпустили "на все четыре стороны".

Через день мы с Полиной Николаевной были у профессора Когана. Он уже все знал. Я ему показал справку, выданную судебными врачами Трускавца⁸. Коган поглядел на меня и Полину Николаевну и с раздражением сказал:

— В ее смерти виноват Юра. Он ее угнал на тот свет...

И, погода, с печалью добавил:

— Ее можно было спасти, но вблизи ее никого не было. Она умерла брошенная в одиночестве.

И прибавил:

— У сердечников бывает два-три инфаркта, и они неплохо выживают. Она уехала в предынфарктном состоянии. Сколько лет он дергал ее усталое, больное сердце.

Убитые горем, я и Полина ушли домой. И тогда у меня и у Полины появилось глубокое убеждение, что Вы действительно виновны в смерти нашей дочери. И мы начали Вас считать своим врагом. И тогда я дал себе слово до гроба мстить Вам за смерть Нины!.."

Сам Трифонов выразился о своих отношениях с Нюрнбергом лаконично и просто:

"Иона Александрович сначала меня любил, потом возненавидел. И я тоже в разные времена относился к нему по-разному".

⁸ В письме Нюрнберг ошибочно называл Друскининкай Трускавцом.

В рассказе "Посещение Марка Шагала" (цикл "Опрокинутый дом", 1981) больше не было дано никаких пояснений. Просто констатировался данный факт. Отец не ругал тестя и не оправдывал себя. Он всегда утверждал, что не бывает как полностью хороших, так и совершенно плохих людей. Это утверждение он относил и к самому себе.

Рассказ "Посещение Марка Шагала" был навеян историей Нюренберга. Сразу после смерти деда в январе 1979 года отец звонил мне по телефону с выражением соболезнования, а потом сообщил, что собирался о нем написать, и спрашивал, не могла бы я добавить интересные детали. Но я тогда была не в состоянии сосредоточиться, и отец написал рассказ, опираясь исключительно на собственные воспоминания.

"Опрокинутый дом" был отмечен критиками как единственное произведение, в котором автор вышел из тени и показал свое истинное лицо. На самом деле Трифонов никогда не скрывал ни собственное лицо, ни лица своих ближайших родственников и друзей. Все были у Трифонова невероятно узнаваемы. Он никого не щадил, включая самого себя. Каждое слово, каждый поступок, каждый характер имели своих прототипов. Трифонов даже сам сетовал на нехватку фантазии, на то, что ему приходилось все списывать с натуры. Иногда, правда, слова и жесты одного известного ему лица он вкладывал в иной характер. Беря за основу мужские прототипы, создавал женские образы. Так, в повести "Другая жизнь" он выразил собственные переживания вдовца через образ героини, потерявшей мужа.

В моем представлении рассказ "Посещение Марка Шагала" стал прощанием Трифонова не только с Нюренбергом, но и с Нелиной, со своим прошлым. Он описал свою единственную встречу с Шагалом в его доме на Лазурном берегу. Та встреча, которая не удалась ему с мамой в 1960 году, произошла теперь, много позже, в 1980 году. Уже не было на свете ни Нюренберга, ни Мамичевой, ни Нелиной. О маме отец написал коротко и емко:

"Я был женат на дочери Ионы Александровича. Мы прожили с ней пятнадцать лет до ее внезапной смерти на литовском курорте, куда она умчалась в одиночестве непонятно зачем".

Сколько досады и раздражения в этой фразе! Зачем мама уехала, зачем она нас оставила? Историю своей любви он увидел глазами Шагала:

"Летающие любовники" Шагала — это мы все, кто плавает в синем небе судьбы. Я догадался об этом позже".

Недаром Трифонов прожил несколько лет в доме художников на Верхней Масловке. Он, как и Нюренберг, стал ценить фантазию Шагала и его сине-голубую палитру.

Для отца рассказ явился еще способом получить отпущение грехов. Разговаривая с Шагалом, он невольно вспоминал своего тестя Нюренберга и искал с ним, только что умершим, контакта. Хотя бы через Шагала, хотя бы после смерти. Потому заканчивал рассказ словами о всеобщем примирении:

"На обратном пути мы ехали побережем, и море лежало в сумерках громадной сине-голубой простыней, под которой можно было спрятать всех, всех, всех".

"И, обняв, смотрела ему в глаза синими ласковыми глазами ведьмы..." ("Обмен")

Трифонов постоянно вспоминал Нелину. Об этом сохранилось свидетельство еще одного его друга по Литинституту, писателя Анатолия Медникова. Тот записал в дневнике три встречи с Трифоновым в разные годы, причем последняя встреча произошла за три месяца до смерти отца. Тогда он снова мысленно коснулся мамы:

"1966 г. Мы сидели, беседовали в его кабинете. Потом я записал в дневнике: "Юра после смерти жены тоскует, не может работать. Сказал мне: "Закончилась полоса жизни, а как жить дальше? Трудно. Я очень ее любил"..."

Мы встретились еще через два с половиной месяца. Это было 27 февраля 1967 года. Юрий Валентинович показался мне более бодрым, жизненные силы и творческая энергия постепенно возвращались к нему... Я почувствовал в тот день, что Юрий Валентинович начинал входить в свою рабочую форму, но потрясение, им пережитое, еще не зарубцевалось окончательно и время от времени, видимо, давало рецидивы...

19 января 1981 года... Мы заговорили потом о Туркмении. Я тогда вернулся из республики со свежими впечатлениями... Туркмения Трифонова интересовала, хотя он туда уже не ездил.

— Как первая любовь, это не забывается, — заметил Трифонов".⁹

Роман "Время и место" (1981) заканчивался сценой, когда герой романа, писатель Антипов (анти-тип автора?) шел по Тверскому бульвару навстречу старому другу. Они встречались, обнимались, садились на лавку. Место было выбрано не случайно — на Тверском бульваре находился Ли-

⁹ А. Медников. "Жажда истины". Журнал "Юность" № 10, 1985 г.

тинститут, его альма-матер. "Это ты?" — спрашивал один другого. Они не виделись много лет. И следовал финал:

"Москва окружает нас, как лес. Мы пересекли его. Все остальное не имеет значения".

И не случайно опять возникал образ "леса", служившего для Трифонова символом "жизни". *Они пересекли лес* означало — *жизнь кончилась*.

В этой сцене меня не оставляла мысль, что отец шел по Тверскому бульвару навстречу маме. И они узнавали друг друга, хотя отец изменился, постарел. Из-под его меховой шапки (как я хорошо помню эту шапку!) торчали "клочки седых волос". Они вместе садились на скамейку. Кто знает, сколько раз они в юности здесь встречались и сидели на этой скамейке? А теперь им предстояло так много рассказать друг другу — всю жизнь, которую отец прожил без мамы. Неважно, сколько было горечи и непонимания. Главным было то, что они встретились "в мире ином", что они "пересекли лес", прожили жизнь. Все остальное не имело значения.

14 апреля 2010 года

